

- 26 Sulitsa E. I. Zhenskie personazhi drevnerusskoi slovesnosti: poeticheskaia obraznost' i printsip sinkretichosti [Female characters of old Russian literature: poetic imagery and the principle of syncretism]. *Vestnik Piiazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the University of Ryazan], 2014, vol. 3, p. 65.
- 27 Uvarov A. S. *Khristianskaia simbolika. Simbolika drevnekhristsianskogo perioda* [Christian symbolism. The symbolism of early Christian period]. Moscow, St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2001. 256 p.
- 28 Uzhankov A. N. *Povest' o Petre i Fevronii Muromskikh (Germenevticheskii opyt medlennogo chteniia). Ch. 1* [The tale of Peter and Fevronia of Murom (Hermeneutic experience of a slow reader). H. 1]. Available at: www.pravoslavie.ru (Accessed 29 October 2014).
- 29 Fedoseeva T. V. Tvorchestvo Ia. P. Polonskogo: o napravleniiakh sovremennogo izucheniia [The creative work of Ya. P. Polonsky: tendencies of modern study]. *Vestnik Piiazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of State University of Ryazan], 2014, vol. 3, pp. 66–84.
- 30 Tsiv'ian T. V. VERG. GEORG. (IV, 116–148): k mifologeme sada [VERG. GEORG. (IV, 116–148): the myth of the garden]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure], ex. ed. T. V. Цивьян. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 140–152.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)5

Багратион-Мухранели Ирина Леонидовна,

*доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры Лингводидактики и межкультурной коммуникации
ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет»,
ул. Сретенка, д. 29, 127051 Москва, Российская Федерация
E-mail: mybagheera@mail.ru*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В КАВКАЗСКОЙ ЛИРИКЕ Я. П. ПОЛОНСКОГО

Аннотация: Яков Петрович Полонский (1819–1898) был ведущим поэтом после-пушкинской поры, отстаивающим уходящие традиции русской романтической поэзии в период расцвета реалистической прозы. Будучи на службе в канцелярии князя М. С. Воронцова, он служил сначала в Одессе, затем в Тифлисе. Захватывающая красота природы побережья Чёрного моря укрепила его пристрастие к романтизму. Полонский обратил своё внимание на кавказские темы и описания пышной природы, обработав их в манере, напоминающей М. Ю. Лермонтова (хотя он также писал пародии на его стихи). Постепенно Полонский отходит от экзотики в изображении кавказских реалий, поэт предпринимает попытку уйти от любования чертами экзотической туземки (Магдана в «Тифлиских саклях»), понять психологию героини — Девы гор. Подлинным новаторством становится изображение Я. Полонским женских образов в трагедии «Дареджана, царица имеретинская», в лирических произведениях кавказского цикла, таких как «Тамара и певец её Шота Руставель» и «Н. А. Грибоедова». В целом, в кавказском творчестве Я. П. Полонского качественно меняются женские образы, на смену экзотической дикарке приходит Жена. Эта трансформация женского образа говорит о подлинном проникновении Полонского в глубину грузинской культуры, о понимании единства православия, его грузинского варианта, с его культом святых жён — св. равноапостольной Нины и благоверной царицы Тамары.

Ключевые слова: романтизм, женские образы, Дева гор, Жена, Н. А. Грибоедова.

Я. Полонский, оказавшись в 1846 г. на Кавказе, переживает взлёт своей поэзии. В течение пяти лет он работает в канцелярии Наместника Главноуправляющего Кавказом графа М. С. Воронцова, осуществлявшего широкую просветительскую политику края. В окружении Наместника рядом с Полонским находились в то время удивительно яркие личности, среди которых — граф В. Соллогуб, только что опубликовавший «Тарантас», художник Г. Гагарин, брат Пушкина Лев Сергеевич, друг В. Белинского ссыльный поэт Тадеуш Лада-Заблоцкий, представители грузинского дворянства, в первую очередь князь Александр Чавчавадзе, тесть Грибоедова, и многие другие.

© Багратион-Мухранели И. Л., 2015

В середине сороковых годов здесь, несмотря на военные действия (кавказская война шла с 1817 по 1863 гг.), и крупные экономические реформы, на Кавказе осуществляется широкая культурная политика. Создаётся театр европейского типа — опера; реставрируется тифлисский кафедральный Сионский собор, который расписывает Г. Гагарин; начинает выходить литературно-художественный альманах «Зурна» (издатели В. Соллогуб и Е. Вердеревский); открывается (на деньги жены М. С. Воронцова Елизаветы Ксаверьевны) Институт благородных девиц — Заведение Святой Нины. Воронцов лично учреждает 9 стипендий для учёбы одарённых юношей в Петербургском университете; дети священников имеют возможность учиться в Киевской духовной академии.

Полонский участвует во многих начинаниях, активно печатается в газете «Кавказ» и «Закавказском вестнике», а самое главное, выпускает в 1849 г. в Тифлисе сборник стихов «Сазандар» (Певец) и представляет русской публике новый образ Кавказа — Кавказ городской, «замиранный». Впечатления, полученные им в этот период, будут находить новые образы, нарисованные им в разных жанрах и видах литературы. Мы остановимся на женских образах его кавказской лирики.

Уехав из Одессы, где Полонский выпустил неудачный по отзывам критики сборник, поэт начинает свою Кавкасиану «Прогулкой по Тифлису», посвящённой Льву Пушкину, в основе которого — свободная разговорная интонация, ещё вполне традиционная для романтизма. Поэт предстаёт как наблюдатель, его привлекает живописность и необычность восточного базара, колоритных персонажей. Здесь Полонский — верный продолжатель романтиков, начиная с 1822 г. (год создания «Кавказского пленника» А. С. Пушкина) строящих отношение с описываемым материалом по модели «увидел-узнал-рассказал». Репрезентация осуществляется по такому принципу и в прозе (А. А. Бестужев-Марлинский), и в поэзии (А. А. Полежаев, М. Ю. Лермонтов). Традицию начинает изменять Лермонтов, серьёзно изучавший Кавказ и придававший ему большое историко-политическое значение¹. Он стремится передавать психологию местных жителей, что ему особенно удаётся в прозе (образ Бэлы в «Герое нашего времени»).

Сначала Полонский в Тифлисе начинает воплощать женские образы в характерных для раннего романтизма сюжетных мотивах. «Грузинка» кончается следующими строками: «Но не спеши за ней, / Усталый путник мой, — / Не увлекись пустым мечтаньем! / Мираж не утолит томящей жажды в зной / и не навевает снов журчаньем» [6, с. 55]. Здесь поэт разыгрывает традиционную схему любви европейца-путешественника к «дикарке». Столь же идеален и образ главной героини стихотворения «Затворница» («В одной знакомой улице / Я помню старый дом»), написанной в первые дни по приезде в Тифлис и получившей широкое рас-

¹ В первой половине марта 1837 г. в письме С. Раевскому Лермонтов обещает: «Я буду к тебе писать про страну чудес — восток. Меня утешают слова Наполеона: Les grands noms se font à l'Orient» [2, т. 6, с. 438]. А в конце года он пишет из Тифлиса: «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим как французский в Европе, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии мог бы пригодиться. Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остается только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским» [2, т. 6, с. 441].

пространение. По форме оно создано в любимой Полонским песенной манере и, как это ни парадоксально, в качестве «народной песни» входило в репертуар осторожного пения и распевалось ссыльными. Это же стихотворение вдохновило И. А. Бунина написание рассказа, озаглавленного по первой строчке. Загадочный образ девушки сохраняется и в стихотворении «Татарская песня», в «Грузинской песне» поэт рисует «три райских виденья» красавиц своей мечты. Затем, начиная знакомиться с кавказским фольклором, Полонский пишет баллады, где старается передать психологию персонажей. «Татарка» написана от лица лирической героини, «Агбар» содержит диалоги, характеризующие участников любовной драмы.

Переходным от любовной лирики к теме поэта и поэзии выступает стихотворение «Не жди...». Оно несколько напоминает строки стихотворения «К Н.Ф.И.» — «Я не унижусь пред тобой» Лермонтова («Как знать, быть может, те мгновенья / Что проводил у ног твоих, / Я отнимал у вдохновенья, / А чем ты заменила их?») [3, с. 21]. Полонский также отвергает любимую женщину ради высших ценностей, чудес, «каких сама душа не знает». Эти ценности раскрываются в стихах о поэте и поэзии «Сазандар», «Саят-Нова», «Старый сазандар», «Нищий».

Несколько особняком стоят стихотворения, написанные в результате знакомства с историей Грузии: «Кахетинцу» (князю Д. А. Чавчавадзе, брату Н. А. Грибоедовой, примечание автора), «Над развалинами в Имеретии». И, наконец, «Тамара и певец её Шота Руставель». В них начинают по-новому позиционироваться женские образы. Полонского начинают привлекать женские характеры сильные, гордые. Я. П. Полонский был в это время близок к семье Чавчавадзе. Рассказывая о драме «Дареджана» из истории Грузии, поэт писал: «Я читал драму по приглашению Нины Александровны Грибоедовой <...> в доме брата ее, князя Чавчавадзе — при гостях, приглашенных не без выбора, — и читал с успехом <...> слушателями были по большей части лица из грузинских фамилий» [1, с. 23].

«Дареджана, царица Имеретинская», написана, как и «Борис Годунов», пятистопным белым ямбом, чередующимся с прозой. События, которые изображает Полонский, взяты из истории Грузии, причём в жизни они были ещё более драматичными и кровавыми, чем в его исторической хронике. Царица Дареджан, борясь за трон, ослепила законного царя Баграта V. Вскоре она с мужем Вахтангом была убита недовольными феодалами. Баграт Слепой был вновь призван на царство. Всего он трижды был свергаем и четырежды вновь возводим на престол.

Я. П. Полонский обращается к началу царствования Баграта и его противоборства с мачехой — царицей Дареджан. Он часто бывал в Имеретии по делам службы и написал несколько стихотворений, посвящённых этой части Грузии: «В Имеретии», «Над развалинами Имеретии».

Мне снился рой теней, покрытых
Струями крови, пылью битв, —
Мужей и жен, душой сгоревших
В страстях — и в небо улетевших,
Как дым, без мысли и молитв...

.....

В устах, для мира охладевших,
 На все звучал один ответ:
 «Здесь было царство — царство пало...
 Мы жили здесь — и нас не стало...
 Но не скорби о нас, поэт!
 Мы пили в жизни полной чашей;
 Но вам из гроба своего,
 В усладу бедной жизни вашей,
 Не завещали ничего!..» [б, с. 68]

Дальше у поэта «мелькает образ Дареджаны», и Полонский даёт примечание, в котором смешивает Дареджану имеретинскую с образом Нестан-Дареджан, героиней поэмы Ш. Руставели. «Некоторые думают, что Шота Руставель под именем Дареджаны воспеваает царицу Тамару» [б, с. 68]. Здесь у Полонского происходит контаминация. Дело в том, что Шота Руставели воспеваает царицу Тамару под именем царицы Тинатин, а образ страдающей, похищенной каджам нежной Нестан-Дареджан чрезвычайно далёк от образа сильной, разумной и прекрасной царицы. Стихотворение «Над развалинами Имеретии» свидетельствуют о первом интересе к истории Грузии, в которой он ещё не очень хорошо разбирается. В исторической хронике Полонский уже не грешит против исторических фактов и уверенно рисует столкновение характеров. Его интересует в первую очередь характер сильной, коварной, властной женщины. Образ Дареджаны получился яркий и выразительный. Автор писал свою драматическую поэму в расчёте на постановку в Тифлисском театре. Но разрешение театральной цензурой не было получено, поскольку, с её точки зрения, венценосные особы XVII в. вели себя слишком коварно, самовластно и деспотично, и сцены произведение не увидело. В урезанном виде «Дареджана, царица Имеретинская» была напечатана в «Москвитяине» (1852, № 7).

Сочинение это свидетельствовало о подлинном интересе и любви поэта к Грузии, знаний об её истории.

В. Соловьёв в критическом очерке о поэзии Полонского сравнивает образы царицы Тамары у Полонского и его предшественников: «Сравните, например, лермонтовскую легендарную “Тамару”, при всем ее словесном великолепии, с исторической “Тамарой” Полонского:

Молодые вожди, завернув в башлыки
 Свои медные шлемы, стоят
 И внимают тому, что отцы старики
 Ей в ответ говорят...

<...> Мы помним, каким бесцветным языком изъясняются кавказские героини у Пушкина и Лермонтова. Даже влюбившись в демона, княжна Тамара не находит ярких слов и читает стихи точно на уроке русской словесности:

Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани,
Я плачу, видишь эти слезы.
Уже не первые они — и т.д.

Таких литературных упражнений мы у Полонского не находим. Вот каким настоящим языком говорят у него кавказские женщины:

Он у каменной башни стоял под стеной;
И я помню, на нем был кафтан дорогой,
И мелькала под красным сукном
Голубая рубашка на нем...
.....
Золотая граната растет под стеной;
Всех плодов не достать никакою рукой;
Всех красивых мужчин для чего
Стала б я привораживать!..
Разлучили, сгубили нас горы, холмы
Эриванские! Вечно холодной зимы
Вечным снегом покрыты они!..
Обо мне
В той стране, милый мой, не забудешь ли ты?
.....
Кто-то скачет, копыта стучат..
Пыль столбом... Я дрожу и молитву шепчу..
Не бросай в меня камнями!..
Я и так уж ранена...

Кавказская жизнь не была только картиною для молодого поэта; она, по-видимому, сильно задела и его лично существование. Но он сохранил свободу души и ясность поэтического сознания:

Я не приду к тебе... Не жди меня! Недаром,
Едва потухло зарево зари,
Всю ночь зурна звучит за Авлабаром,
Всю ночь за банями поют сазандари» [9, с. 170–171].

Эта высокая оценка поэзии Полонского Соловьёвым была редким исключением не только по отношению к кавказской лирике, но и творчества поэта в целом. Рецензируя первое собрание сочинений Полонского (1855), А. В. Дружинин определил его как не первоклассного, но «честного и истинного» [8, с. 19] поэта пушкинского направления. М. Е. Салтыков-Щедрин [4, с. 47] считал его эклектиком, несамостоятельным, второстепенным поэтом, собирающим всё среднее, безликое

у всех. Защищал Полонского за поклонение высокому и прекрасному, добру и красоте Н. Страхов. Ф. М. Достоевский высоко ценил некоторые его произведения, ставшие романсами. И. С. Тургенева связывала с Полонским многолетняя искренняя дружба.

Полонский экспериментировал с размерами своих стихов, тщательно отделял и многократно переделывал их. Одно из самых проникновенных стихотворений посвящено Нине Чавчавадзе-Грибоедовой. Она предстаёт сразу в трёх ипостасях: девочки-невесты, жены и вдовы. Полонский долго работал над ним и существенно переработал это стихотворение, написанное непосредственно под впечатлением знакомства с Ниной Чавчавадзе-Грибоедовой, которое произошло в 1846 г. Напечатано оно было только к 50-летию со дня смерти Грибоедова в 1879 г.

В Тифлисе я ее встречал...
Вникал в ее черты:
То — тень весны была, в тени
Осенней красоты.

Стихотворение строится как чередование авторской речи и речи героини.

Не князь, красавец молодой,
Внук иверских царей
Был сокровенною мечтой
Ее цветущих дней.
Не вождь грузинских удальцов —
Гроза соседних гор —
Признаньем вынудил ее
Потупить ясный взор [6, с. 198].

Полонский домысливает внутренний монолог героини, так, как его могла бы рассказать сама Нина Чавчавадзе, повествуя о своей любви к Грибоедову. Строится он с глубоким психологическим тактом и душевной грацией, Полонскому удаётся создать пленительный образ молодой вдовы, беззаветно чтившей память Грибоедова. Поразительна по музыкальности и проникновенности концовка стихотворения:

Там в темном гроте мавзолеей
И скромный дар вдовы —
Лампада светит в полутьме,
Чтоб прочитали вы
Ту надпись и чтоб вам она
Напомнила сама —
Два горя: горе от любви
И горе от ума [6, с. 203].

Концовка — парафраз слов самой Нины Грибоедовой. 16-летняя вдова в течение 28 лет носила траур по любимому мужу. В 1832 г. она поставила памятник на его могиле, на котором коленапреклонённая фигура женщины опирается руками на крест, где сохранены её слова, обращённые к Грибоедову: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской. Но для чего пережила тебя любовь моя?»

Анализу этого периода творчества Полонского посвящена работа С. М. Романенко [7]. Но автор диссертации не пишет, как меняется облик кавказской женщины, Девы Гор. Полонский стремится и в прозе в женских образах уйти от любования чертами экзотической туземки, понять психологию героини — Магдана («Тифлиские сакли»). Но подлинным новаторством становится изображение Я. Полонским женских образов в трагедии «Дареджана, царица Имеретинская», в лирических произведениях, таких как «Тамара и певец её Шота Руставель» и «Н. А. Грибоедова». Над последним стихотворением, которое можно считать небольшой поэмой (192 строки), Я. Полонский работал с 1846 по 1879 гг., продолжая изменять его. В результате образ Нины Чавчавадзе-Грибоедовой можно определить пушкинским выражением «духом величаява Жена». Тема женской верности и благородства — подвиг жён декабристов — находился в центре творчества Н. А. Некрасова этого времени (поэма «Русские женщины»). Полонский шёл своим путём. У него трансформация женского образа Нины Чавчавадзе говорит о подлинном проникновении в глубину грузинской культуры, в понимание единства православия, его грузинского варианта, с его культом Святых жён — равноапостольной Нины и Благоверной Царицы Тамары.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Богомолов И. С. Из истории русско-грузинских литературных взаимосвязей (Я. П. Полонский). Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1960. 120 с.
- 2 *Лермонтов М. Ю.* Соч.: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР (Пушкинский Дом), 1957. Т. 6: Проза. Письма. 900 с.
- 3 *Лермонтов М. Ю.* Соч.: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР (Пушкинский Дом), 1954. Т. 2: Стихотворения 1832–1841. 386 с.
- 4 Отечественные записки. 1869. № 9.
- 5 *Полонский Я. П.* Дареджана, царица Имеретинская: драма в 5 действиях. М.: Тип. Степановой, 1852. 148 с.
- 6 *Полонский Я. П.* Лирика. Проза. М.: Правда, 1984. 608 с.
- 7 *Романенко С. М.* Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я. П. Полонского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 26 с.
- 8 Современник. 1855. № 11.
- 9 *Соловьёв В. С.* Поэзия Я. П. Полонского // Полное собрание сочинений Я. П. Полонского: в 5 т. СПб.: Изд-е А. Ф. Маркса, 1896. Т. 1. Приводится по изданию: *Соловьёв В. С.* Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 153–171.

* * *

Bagration-Mukhraneli Irina Leonidovna,

Associate Professor, PhD in Philology,

Associate Professor of linguistics and intercultural communication,

FSBI HPE «Moscow State Psychological and Pedagogical University»,

Sretenka str. 29, 127051 Moscow, Russian Federation

E-mail: mybagheera@mail.ru

TRANSFORMATION OF FEMALE CHARACTERS IN POLONSKY'S LYRICAL WORKS

Abstract: Yakov Polonsky (1819–1898) was a leading poet of post-Pushkin epoch, who followed the traditions of Russian romantic poetry in the heyday of realistic prose. Being in the service of the office of Prince Mikhail Vorontsov, he served first in Odessa, then in Tiflis. The fascinating beauty of the Black Sea coast nature strengthened his passion for romanticism. Polonsky turned his attention to the Caucasian topics and descriptions of lush nature, treating them in a manner reminiscent of Mikhail Lermontov (although he also wrote parodies of his poems). Polonsky gradually moved away from the image of exotic Caucasian realities and tried to get away from admiring features of exotic native women (Magdana in «Tiflis Saclays») to understand the psychology of the character — the Lady of the Mountains. The true innovation of Y. Polonsky was depicting female characters in the tragedy «Daredjan, Queen of Imereti», lyrical works of Caucasian cycle, such as «Tamara and her singer Shota Rustaveli» and «N. A. Griboyedova». In general, we can see qualitative changes in the images of women in the Caucasus works of Y. Polonsky, the exotic image of exotic savage woman is replaced by the Wife. This transformation of the female images signifies of the fact that Y. Polonsky deeply penetrated into Georgian culture, understood the unity of Orthodoxy, its Georgian version with its cult of Saint wives — St. Nina, Equal to the Apostles, and Saint Blessed Queen Tamara.

Keywords: Romanticism, female characters, Lady of the Mountain, Wife, N. A. Griboedova.

REFERENCES

- 1 Bogomolov I. S. *Iz istorii russko-gruzinskikh literaturnykh vzaimosviazei (Y. P. Polonsky)* [From the history of Russian-Georgian literary relationships (Y. Polonsky)]. Tbilisi, Izd-vo AN Gruz. SSR Publ., 1960. 120 p.
- 2 Lermontov M. Y. *Soch.: v 6 t.* [Works in 6 vol.] Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR (Pushkinskii Dom) Publ., 1957. *Vol. 6: Proza. Pis'ma* [Prose. Letters]. 900 p.
- 3 Lermontov M. Iu. *Soch.: v 6 t.* [Works in 6 vol.] Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR (Pushkinskii Dom) Publ., 1954. *Vol. 2: Stikhotvoreniia 1832–1841* [Poems of 1832–1841]. 386 p.
- 4 *Otechestvennye zapiski* [National Annals], 1869, no 9.
- 5 Polonsky Y. P. *Daredzhana, tsaritsa Imeretinskaia: drama v 5 deistviiakh* [Daredjan, Queen of Imereti: a drama in five acts]. Moscow, Tip. Stepanovoi Publ., 1852. 148 p.
- 6 Polonsky Y. P. *Lirika. Proza* [Lyrical works. Prose]. Moscow, Pravda Publ., 1984. 608 p.

-
- 7 Romanenko S. M. *Kavkazskii mif v russkom romantizme i ego evoliutsiia v tvorchestve Ia. P. Polonskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [A Caucasian myth in Russian romanticism and its evolution in the work of Y. P. Polonsky: Diss.abstract for PhD in Philology]. Tomsk, 2006. 26 p.
  - 8 *Sovremennik* [The Contemporary], 1855, no 11.
  - 9 Solov'ev V. S. *Poeziia Y. P. Polonskogo* [Poetry of Y. P. Polonsky]. *Polnoe sobranie sochinenii Ia. P. Polonskogo: v 5 t.* [The Complete Works of Y. P. Polonsky: 5 vols.] St. Peterburg, Izd-e A. F. Marksa Publ., 1896. Vol. 1. Privoditsia po izdaniuu: Solov'ev V. S. *Literaturnaia kritika* [Literary Criticism]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, pp. 153–171.